

## Косенчук Василий

### НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Семён встал с сидения, неторопливо подошёл к приёмнику и нажал на кнопку связи. Прямоугольная коробочка, лежавшая на вспомогательном столике, издала короткий писк, затем треск, и из динамиков полился взволнованный голос:

– Семён Игнатьев? – спросил кто-то по ту сторону приёмника.

Голос был грубым и решительным, – видно, принадлежал человеку властному и властью наделённому. Семён ответил после короткой паузы:

– Да... – и тут же осознал, с кем говорит, и добавил дрогнувшим голосом: – То есть... так точно!

Командир галактической армии, Томас Мур, не обратил внимания на заминку собеседника и, резко оборвав его попытки что-то добавить, осведомился:

– Вы подтверждаете информацию?

Семён нервно сглотнул, проблеял «да», потом опомнился и добавил ещё более скомканное «так точно»; замолчал, с волнением стал ожидать, что скажет командир.

Приёмник тихо потрескивал, что было очень странно: никогда ещё техника столь высокого качества не давала сбоев; здесь же – явные помехи. Больше никаких звуков. Хотя нет: кажется, сквозь шумы доносилось с того конца информационной линии напряжённое сопение командира.

– Оставайтесь на месте и ждите распоряжений! – выкрикнул, наконец, Томас и оборвал связь.

Семён выдохнул и опустил в кресло.

Кабина корабля была тесной, но уютной. Кресло пилота в свободном положении застыло у системы управления, справа от которой приспособился тот самый вспомогательный столик с аппаратом связи, документацией, журналом передвижения и прочими бумагами; над тумблерами и рычагами нависло информационное табло, которое сейчас, когда корабль был зафиксирован в неподвижном положении, показывало очередной выпуск новостей; а прямо перед Семёном разверзлась Вселенная – она с пугающим всеведением заглядывала в салон корабля и в самую душу человека, находившегося в нём и столь ничтожного перед её величием, через панорамное окно.

«Командир, не может быть! – думал Семён, – Со мной связался сам командир армии альянса. Значит, дело серьёзное. Ещё бы! Обычный солдат продвинулся на разведывательном корабле чуть дальше и, наконец, нашёл его. Можно сказать, упёрся...»

В иллюминатор «обычный солдат» старался не смотреть. Сложно объяснить, почему, но он поклялся, ещё когда увидел всё в первый раз – тогда он насмотрелся вдоволь, – что до следующего дня он в сторону этого явления даже и не глянет. Не то что бы это были предрассудки, какие-либо приметы об удачности и неудачности исследования, – вовсе нет; тут всё объяснялось другим, куда менее понятным обстоятельством: Семён страшился тех чувств, которые он испытал при виде своего открытия. Лихорадочный, необычайный восторг – и вместе с тем смутное волнение, граничащее с испугом, и что-то ещё, пока не сформировавшееся в целостную идею и находящееся лишь на пути осознания; что-то неотделимое от общей картины – некий окончательный вывод.

Пора было спать. Семён встал, старательно отворачиваясь от окна, чтобы ненароком не упереться взглядом в своё грандиозное открытие, проверил все показатели приборов и зашагал по серому коридору в спальный отсек. В узкой комнатке с единственным иллюминатором он потушил свет, лёг на мягкую постель и закрыл глаза.

Сон не шёл. Мысли мятежно вспыхивали в его голове, и волнение только усиливалось. Тараща глаза в темноту, Семён перебирал варианты развития событий, обдумывал свои поступки, свою жизнь, критично, с некоторым недовольством; вспоминал, будто пережёвывал, – бессмысленно и монотонно. Он вспомнил, как учился в одном из лучших

университетов Шестой планеты, как летал в соседнюю галактику. Потом вдруг в войска поступил – хотел бороздить просторы Космоса. И вот...

От частности Семён переходил к глобальному: он вдруг стал вспоминать историю и минувшие открытия. С чего начинало и как далеко шагнуло человечество! Когда-то в нашем распоряжении была лишь одна маленькая планета, потом несколько и всё больше, больше... Научный прогресс – вот вечный двигатель человеческой цивилизации. Расстояния в миллиарды световых лет – больше не преграда; время – всего лишь ещё одно измерение, словно длина, ширина и глубина; планета – теперь не дом, только ресурс; продолжительность жизни – не век и даже не два, а втрое больше. Языковая граница более не имеет значения: встроенные в череп микрочипы переводят речь на язык носителя сразу на подсознательном уровне. Голода больше нет: целые планеты отведены под пастбища и плантации. Что уж говорить об энергии, когда каждая звезда – это сверхмощный генератор, которого хватит на много тысяч лет?

Всеобъемлющая Цивилизация. Так называют всё созданное человеком от отсчёта его существования до наших дней; все его творения в различных сферах жизни, которые поистине впечатляют своей гениальностью: то непохожие ни на что, агрессивно пронзающие действительность, то будто единые с природой, как часть высочайшего космического замысла Вселенной. Планеты, засаженные высочайшими деревьями или такими же зданиями; величественные космополисы, словно искусственные земли, в бесконечном движении путешествующие от галактики к галактике; огромные, разноцветные голограммы, сконструированные из движения звёзд, как полотна космического искусства; другие полотна, написанные кистью и красками, культура в целом, такие её проявления, как литература, скульптура и архитектура; знания человека в науке, мироздании, – всё это есть Всеобъемлющая Цивилизация.

Человечество достигло апогея. Кажется, оно теперь абсолютный властитель Вселенной, способный управлять всеми её явлениями. Оставалась лишь одна крупинка, одна мельчайшая частичка, которая не давала до недавнего времени признать это с уверенностью; но и поиск этой крупинки казался вопросом решённым, неизбежно определённым. И вот вчера Семён стал человеком, который привнёс последнюю частичку в величественный монумент цивилизации.

Семён беспокойно ворочался в своей постели ещё очень долго, и под конец ему казалось, что он начал подбираться ближе к тому призрачному общему выводу, который грезился ему во время открытия; цепь осмысленных умозаключений вела к фатальному исходу, который необходимо было понять – он чувствовал это, – но будто тяжёлая нота трагизма нависла над его пониманием. И в тот самый момент, когда завеса тайны начала подниматься, шаг за шагом, фрагментами открывая правду, Семён уснул.

Он спал недолго и беспокойно; его преследовали спутанные сновидения о космических полётах, о родной планете и многом, многом другом. Среди этого хаоса промелькнул, будто в ускоренном показе, странный, сюрреалистический сон. В этом сне Семён находился в некой аморфной среде: он будто парил в воздухе и в то же время шёл, продавливая плотное пространство, которое всеми силами ему противилось. Пространство было похоже на туман с крупными клубами пара; он переливался разными цветами, закручивался в спирали, словно галактики во Вселенной. А Семён всё шёл, и разноцветная материя сопровождала его своим беспорядочным танцем. Стало ощутимо тяжелее идти; всё более плотной становилась окружающая среда, всё ярче сверкали клубы пара, имитируя цвета Космоса. И вдруг впереди образовалась прозрачная мембрана. Семён коснулся её рукой, приложив при этом огромные усилия, и что-то ударило его, и он покинул тело, будто поднявшись вверх, и увидел всё как бы со стороны. Это была огромная капля? Нет, капля была маленькая, а Семён и того меньше, словно субатомная частица. Капля – целый мир; а за её тонкой мембраной ещё тысячи таких же миров – маленьких капелек. Они все летели вниз, такие огромные, наполненные внутренним светом, а Семён смотрел, не понимая, где он, и вовсе не волнуясь от этого...

Он проснулся разбитым и уставшим. Поднялся с кровати, со смятением вспоминая ускользящий сон, который отчего-то казался ему очень важным, умылся, постоял немного в ванной комнате, глядя в зеркало и понимая, что легче ему не стало, потом вздохнул и направился в кабину управления.

Семёну казалось, что, отдохнув, он взглянет на ситуацию по-другому, – но вышло строго наоборот. Он всё продолжал думать и вспоминать, и теперь это походило на обезнадёживающее подведение итогов. Зачем ему это? Пока он не знал.

Зато он знал то, что несмотря на весь научный прогресс, несмотря на мощь технологий и научного развития, человек никоим образом не смог продвинуться в решении ряда вопросов. Мы так и не смогли узнать, что находится по ту сторону. Там нас ждёт неизвестность, которую каждый как может наполняет общим или своим собственным смыслом, потусторонним существованием. И никакая наука в этом вопросе нам не поможет. Мы не знаем, кто создал этот мир; абстрактные теории о взрыве и пульсирующей Вселенной не проливают света на этот вопрос. Человек не знает, человек боится, человек хочет понять; человек задаётся вопросом, на который никогда не сможет ответить. Или...

Семён испугался своей неожиданной мысли и тут же отрёкся от неё. Он решительно вошёл в кабину, обставленную в коричнево-бежевых тонах (за исключением металлических приборных панелей) и попытался сконцентрироваться на каком-нибудь деле. Он изучил временную таблицу, вычислил момент прибытия разведывательного отряда, попытался поработать с документами, проверить состояние корабля – но всё ему давалось с трудом. Его мысль об общем выводе превратилась в маниакальную идею; Семён находился в нервном напряжении и, беспокойно перебегая от одного занятия к другому, ничего толком не делал.

Информационная панель сообщала об экономическом кризисе в Галактике Скульптор, о революции на Двадцать Седьмой планете, о разрушении с ней соседствующей и глобальном переселении её обитателей. Семён сел в кресло и закрыл глаза.

Зазвенел передатчик, и Семён вскочил, давно этого ожидая.

– Игнатьев, ты что, уснул? – раздался злобный голос Томаса.

– Никак нет! – ответил Семён, понимая, что время пришло.

– Ну так выгляни в иллюминатор, – прокричал командир. – Всё. Оставаться на связи!

Ждать команды!

С гулко бьющимся сердцем Семён подошёл к иллюминатору.

В космическом пространстве, в окружении света далёких звёзд повисли разведывательные корабли. Их было восемь; семь обычных, рядовых, как у Семёна: маленькие кораблики, похожие на толстых птиц с короткими крылышками, – и один командирский, вальяжно плывущий в центре отряда: кит, обитый алюминием, с плавниками, хвостом и огромным окном из рулевого отсека на месте головы. Процессия двигалась медленно, изредка выпускала дающие слабое ускорение продукты сгорания, чтобы корректировать положение. Темнота космоса окутывала корпуса кораблей, но яркий свет, который выбивался из стекол иллюминаторов, будто вырезал звездолёты из окружающего их чернильного холода. Все корабли были направлены носом – и рядовые подобием птичьего клюва, и командирский плоской мордой кита – в сторону открытия.

А само открытие, на которое так боялся смотреть Семён, находилось правее; его можно было увидеть из переднего панорамного окна.

Это было нечто чёрное и густое, словно дёготь, сплошной стеной протянувшееся по всей ширине и высоте. Не видно было, где заканчивалась вязкая темнота; она продолжалась вниз и вверх, вправо и влево при лёгком, едва-едва заметном изгибе, который можно было различить лишь намного дальше: стена поворачивала внутрь, перед тем как раствориться вдали, слившись своим неестественным мраком с натуральной темнотой Вселенной. По всему можно было сделать вывод, что это – внутренняя плоскость невообразимо огромной сферы.

Мрак потому и был мраком, что являлся конечным покрытием: не было за ним ни единой звезды, никаких точек тусклого далёкого света не выходило с обратной стороны его;

но время от времени по нему вдруг пронеслись всполохи ярких разрядов, словно молний, синих, зелёных, красных, жёлтых – абсолютно всех цветов, приемлемых человеческому глазу. Но эти молнии, какими бы яркими они ни были и какой бы густой сетью ни покрывали необъяснимое явление, не высветляли этот жуткий мрак; наоборот, казалось, вязкий дёготь с каждым всполохом света наливался ответно сильной агрессивной чернотой.

Как много разговоров ходило об этом явлении, как часто рассказывали о нём вольные скитальцы! Сначала это были только слухи, теперь – неопровержимый факт. Ещё когда наука вышла на резкий взлёт своих возможностей, люди задавались вопросом: что есть Вселенная, и бесконечна ли она? Но как может быть что-то бесконечным, когда всё сущее имеет начало и конец? Живые существа рождаются и умирают, загораются и тухнут звёзды, образуются и разрушаются планеты; и всё имеет границы: моря и земли, системы и галактики. Всё, что конечно, плавает в одной сплошной бесконечности? Разве такое может быть?

Девять космических аппаратов, считая корабль Семёна, в одной шеренге зависли у края Вселенной.

Семён придвинул кресло к приборному щитку, перевёл корабль в активный режим; информационное табло переменяло изображение, и теперь вместо новостей высветился ряд цифр, букв и моделей, показывающих конфигурации корабля. В радиоэфире звенели восторженные голоса сослуживцев; они поздравляли Семёна, предрекали ему известность и говорили о том, что через несколько дней об этом открытии будет знать вся Вселенная.

– Игнатьев! – оборвал разговоры командир. – Перестроиться к правому борту.

Корабль Семёна облетел соседствующие корабли и оказался по правый бок от железного кита. Командир объявил о готовности выпускать исследовательскую капсулу.

Через некоторое время от брюха кита отделилась маленькая металлическая деталь малых масштабов: два метра в длину и не более метра в ширину и высоту. Это была капсула – разведывательное судно на дистанционном управлении, наполненное всевозможными датчиками, – в основном её использовали при обнаружении новой планеты, чтобы снять показатели пригодности для жизни.

В эфире было тихо; ни голоса, лишь навязчивое потрескивание шумов.

Железный ящик плыл в невесомости, направляясь к чёрной стене. Секунды – и ящик у поверхности. Завис, ожидая получения команды. Команда получена. Ящик преодолел оставшееся расстояние.

Алюминиевый корпус начал погружаться в чёрную субстанцию, и в месте его соприкосновения с ней вспыхнули огоньки ярких молний, которые совсем не деформировали капсулу, а разбегались в стороны от неё. Густая чернота притянула к себе разведывательный аппарат и, когда от него ещё был виден лёгкий бугорок, полыхнула ещё более яркими, но уже ослепительно белыми молниями вокруг этого бугорка, обозначив его ореолом, и будто проглотила с усилием: капсула утонула во мраке, и по чёрной поверхности, как по воде, прошла едва заметная рябь.

Секунды молчания. Дрогнувший голос командира:

– Сигнал потерян.

Он усмирил поднявшийся в эфире ропот коротким сообщением:

– Оставайтесь на местах и ожидайте приказаний. Мне нужно посоветоваться.

Закрыв лицо руками, Семён ожидал команды. Что-то в его голове укреплялось, какая-то мысль там, как человек, стоящий за дверью, навязчиво стучалась, желая войти. И эта мысль была так близка и так опасна; она и была вывод.

Кто-то выдохнул в эфир. Это был командир.

– Гриф секретности объекта, – лаконично объявил он. – Дальнейшее исследование признанно опасным, – он выдержал паузу и добавил тише, по-простому: – Разворачиваем корабли, ребята, и возвращаемся домой.

Мысль ворвалась в голову, и её стук прекратился, сменившись раскатной тишиной оглушительного удара. Семён осел, сжался. Он всё понял. И потом вдруг улыбнулся, и

выдохнул, как будто груз, прижимавший его к земле, рассыпался; Семён приосанился, оглядел кабину.

В космической тиши корабли начали медленно разворачиваться. Семён поудобнее устроился в кресле, зафиксировал его, застегнул ремни безопасности.

Семён много думал последние два дня. Он размышлял о развитии человечества, о научном прогрессе и всё-то сопоставлял исторические факты, пока не пришёл к тому, что, казалось бы, было на поверхности, тому, что он сам и назвал, того не заметив: человечество достигло апогея. Цивилизация обхватила своими щупальцами всё, что могла только обхватить, наука уже несколько десятков лет стоит на месте, и не изобретается ничего нового. Человечество не движется.

Загудели турбины. Семён переключил тумблеры, и двигатель стал работать увереннее.

Но ведь человечество должно двигаться! Оно развивалось на протяжении всей истории и никогда, – хотя порою думалось обратное, – не оказывалось в тупике. А теперь? Мы не можем остановиться, ведь в том-то и суть человека как отличного от других существа, что он вечно развивается; остановка противоречит нашей природе.

Космические аппараты уже развернулись, только корабль первооткрывателя оставался недвижим. Внутри него сидел Семён, отчего-то улыбаясь; он глядел на информационное табло и считывал показатели. Всё в норме.

Но были времена, когда человек также надолго останавливался; впереди у него была неизвестность, та самая, которую он так боялся, в разных её проявлениях. И тогда человеку в глобальном понимании нужен был человек в понимании личности; тот, кто в эту неизвестность шагнёт.

Семён перевёл рычаг, и корабль поплыл в обратном от других кораблей направлении. Всё так же улыбаясь своему неожиданному осознанию, Семён повёл судно.

Человечеству необходимо двигаться вперёд. Чтобы двигаться вперёд, оно должно совладать со страхом неизвестности, и если этого сделать ему не удастся – значит, этот страх преодолеет одна только личность, которая потом поведёт всё остальное человечество за собой. Такие личности – это люди, которые прыгают на шаг вперёд, в неизвестность; это гении. Но сейчас такой личностью будет Семён. Он нужен человечеству, он откроет людям новые границы, и он рад предоставленной ему возможности.

Корабль летел к краю Вселенной.